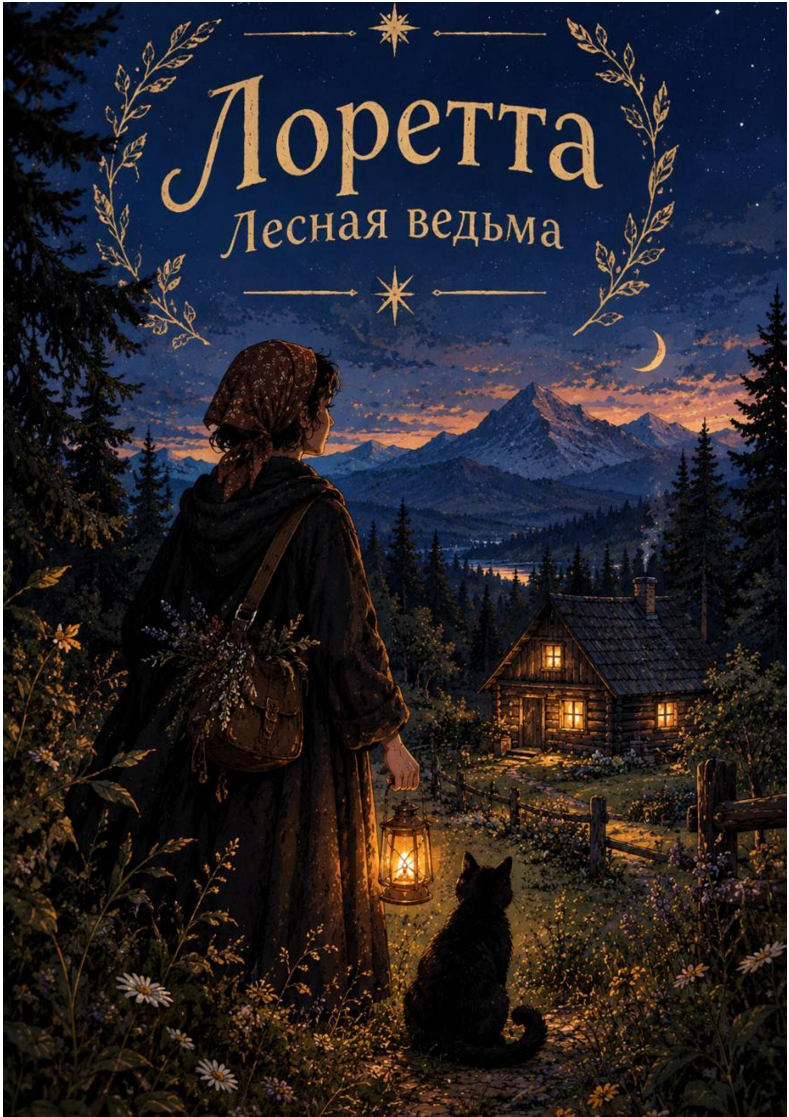

Лоретта
Лесная ведьма

Юлия Мешкова
Лоретта. Лесная ведьма

https://litres.ru/74716573
SelfPub; 2026

Аннотация

В глубине старого леса, среди сосен и заросших тропинок, стоит хижина ведьмы Лоретты. Здесь всегда найдётся горячий чай, целебный отвар и место у очага для того, кому больше некуда идти.

Лоретта привыкла помогать тем, кто оказался в беде. Но постепенно становится ясно: несчастья её гостей не так случайны, как кажется. За ними тянется след чужой магии, а в самой хижине скрыто нечто гораздо более древнее, чем её хозяйка могла предположить.

Чем больше Лоретта узнаёт о чужих потерях, тем ближе подходит к тайне собственной жизни — и к тому, от чего когда-то попыталась спастись забвением.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Элиза 10
Глава 2. Рыцарь 31
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Юлия Мешкова
Лоретта. Лесная ведьма

ЛОРЕТТА

Лесная ведьма
Мешкова Юлия
Москва, 2026

Содержание

Пролог
Глава 1. Элиза
Глава 2. Рыцарь
Глава 3. Коллекционер редкостей
Глава 4. Голем
Глава 5. Фея
Глава 6. Повар
Глава 7. Русалка
Глава. Тень
Глава. Коллекционер
Эпилог

Пролог

Утро медленно проступало сквозь сосновые ветви, и маленькая лесная хижина казалась частью самого леса. Старые ели теснились вокруг неё так близко, что одна половина крыши почти всегда оставалась в тени. На досках темнел мох, между камнями фундамента пробивались тонкие стебли травы, а на солнечной стороне стены дерево выгорело до тёплого медового оттенка. Дом стоял здесь давно. Достаточно давно, чтобы лес привык к нему, а дом — к лесу.

В конце лета по утрам всё было мокрым от росы. Крупные капли висели на паутине под крыльцом, трава цеплялась за подол ночного тумана, а ветви склонялись над крышей под тяжестью влаги. Обычно в это время просыпались птицы. Сначала одна, робкая, потом другая, и вскоре весь лес наполнялся перекличкой, шелестом и привычным шорохом маленькой жизни.

Сегодня птицы молчали.

Лоретта проснулась от тишины.

Она ещё не открыла глаза, но уже знала: день будет долгим. Не просто хлопотным, когда нужно успеть собрать травы до полудня или перебрать запасы в кладовой. В воздухе чувствовалось нечто другое — тяжёлое, настороженное, будто лес за ночь подобрался ближе к окнам и теперь стоял за стеклом, затаив дыхание.

Лоретта лежала неподвижно, прислушиваясь.

В доме потрескивала остывающая древесина. Где-то под крышей шуршала мышь. За стеной капала вода с карниза. Всё было знакомым, обычным — и всё же между этими звуками зияла странная пустота. Словно мир забыл, какую мелодию должен играть по утрам.

Полночь спал у неё в ногах, свернувшись чёрным клубком. Когда Лоретта села, он не поднял головы, только одно ухо дрогнуло. Кот слышал. Возможно, чувствовал то же, что и она. А возможно, просто не желал вставать раньше, чем посчитает нужным.

— Не притворяйся, — пробормотала Лоретта.

Полночь открыл один зелёный глаз, посмотрел на неё с оскорблённым достоинством и снова закрыл его.

Лоретта улыбнулась краешком губ. Улыбка продержалась недолго.

Она попыталась вспомнить сон, от которого проснулась, но в памяти остался только след — тёплый, щемящий, почти болезненный. Чьё-то присутствие. Маленькая ладонь, будто бы лежавшая в её руке. И голос, который она не смогла разобрать.

Лоретта нахмурилась и провела ладонью по лицу. Сон растаял, как снежинка на коже, оставив после себя ощущение утраты, слишком острое для того, чего она не могла вспомнить.

— Дурость, — сказала она вслух. — Просто сон.

Слова прозвучали убедительнее, чем она себя чувствовала.

Она спустила босые ноги на пол. Доски были холодными и шершавыми. Лоретта поёжилась, натянула шерстяные чулки и подошла к очагу. Вчерашние угли ещё хранили немного тепла. Она подложила сухих поленьев, раздула огонь и дождалась, пока по дереву побегут первые рыжие язычки пламени.

Огонь занялся охотно. Слишком охотно, подумала она, заметив, как быстро вспыхнула тонкая щепка. Но тут же отмахнулась от этой мысли. Когда ведьма начинает искать дурные знаки в каждой искре, значит, ей пора выпить чаю.

Она достала глиняную кружку с неровным зелёным узором, насыпала на дно зверобой, мяту и мелиссу, добавила щепотку сушёной липы. Травы были собраны ещё в начале лета, перебраны и развешаны под потолком. Их запах наполнил комнату, смешавшись с дымом и тёплой золой. Лоретта глубоко вдохнула, позволяя знакомому аромату немного унять беспокойство.

На полке рядом с чайником стояла маленькая деревянная лошадка. Игрушка была грубой работы, с неровно вырезанными ногами и стёртой краской на спине. Лоретта не помнила, когда принесла её в дом. Иногда она замечала лошадку, переставляла с места на место, собиралась убрать в ящик — и всякий раз оставляла там, где та оказывалась. Сегодня игрушка лежала на боку, хотя вечером стояла ровно.

Лоретта задержала на ней взгляд.

— Ветер, — сказала она, хотя окно было закрыто.

Полночь спрыгнул с кровати и бесшумно подошёл к столу. Он не посмотрел на игрушку. Вместо этого уставился на дверь.

— Что там? — спросила Лоретта.

Кот молчал. Он умел молчать так, что это казалось отдельным видом разговора.

За окном наконец шевельнулись ветви. Не от ветра — Лоретта знала, как движется лес, когда поднимается ветер. Сейчас сосны словно наклонились друг к другу, пропуская между стволами невидимую волну. На мгновение тропинка, ведущая к дому, показалась ей длиннее обычного. Там, где она изгибалась за старым пнём, темнела тень, хотя солнце уже поднялось достаточно высоко.

Лоретта моргнула. Тропинка снова стала прежней.

— Сегодня нас ждёт трудный день, — сказала она.

Полночь потёрся о её ногу, затем сел у двери и принялся умываться, будто разговор был окончен.

Лоретта повязала на голову пёструю косынку, затянула рабочий передник и проверила, хватает ли сухих поленьев у очага. Потом сняла с крючка корзину, пересыпала в неё последние пучки зверобоя и вышла на крыльцо.

Воздух пах мокрой корой, прелыми листьями и концом долгого лета. На перилах блестела роса. Лоретта поправила верёвку, на которой сушились травы, и посмотрела в сторону

леса.

В глубине чащи что-то тихо хрустнуло.

Она не увидела ни зверя, ни человека. Только несколько ветвей, медленно возвращавшихся на место.

Лоретта знала этот лес лучше, чем многие люди знали собственный дом. Она могла пройти по нему в темноте, отличить след лисицы от следа молодой косули и найти дорогу даже в тумане. И всё же сегодня ей казалось, что лес смотрит на неё чужими глазами.

Она вернулась в дом и остановилась у окна. Полночь запрыгнул на подоконник, устроился рядом и устремил на тропинку свой немигающий зелёный взгляд.

— Будем ждать гостей, — тихо сказала Лоретта.

Кот не шелохнулся. Только кончик его хвоста один раз ударил по деревянному подоконнику.

Лоретта положила ладонь ему на спину. Под пальцами перекатились крепкие мышцы, шерсть оказалась тёплой и мягкой. Это было настоящее, знакомое, надёжное. Она задержала руку чуть дольше, чем требовалось.

Потом отняла её и пошла заниматься делами.

Лес за окном молчал.

Ждал следующего шага.

Глава 1. Элиза

Лоретта развешивала последние пучки зверобоя под крыльцом, когда услышала шаги.

Тихие, неровные, с долгими остановками. Тот, кто шёл по тропинке, то ли устал, то ли никак не мог решиться продолжить путь. Иногда шаги вовсе стихали, и тогда Лоретта представляла, как незнакомец стоит среди деревьев, глядит на крышу хижины и убеждает себя, что лучше повернуть назад.

Полночь дремал на ступеньке крыльца, положив морду на лапы. Услышав шаги, он приподнял голову, повёл ухом и снова улёгся. Однако глаза не закрыл.

— Не опасность? — спросила Лоретта.

Кот посмотрел на неё так, словно вопрос был глупым, и отвернулся.

— Очень содержательно, благодарю.

Она вытерла руки о передник, сполоснула их в рукомойнике и стряхнула воду. Ветер поднялся внезапно, раздувая подол платья и выбивая короткие пряди из-под косынки. Лоретта сняла её и повесила на гвоздь у двери. Всё равно держалась она из рук вон плохо.

Шаги остановились у калитки.

Пока незнакомка собиралась с духом, Лоретта успела заметить ещё несколько мелочей. На воротах висела старая

деревянная щепка — кто-то, должно быть, зацепил её плащом по дороге. На земле за калиткой отпечатались следы маленьких ботинок, но рядом, чуть глубже, тянулись ещё одни: длинные, узкие, словно оставленные человеком, который шёл на цыпочках. Они обрывались у самого забора. Лоретта нахмурилась и посмотрела на лес. Ветки неподвижно свисали над тропой.

Она могла бы спросить девушку о следах, но та и без того выглядела так, словно любое дополнительное слово станет последней каплей. Лоретта знала: иногда помощь начинается не с вопросов, а с того, что человеку дают возможность переступить порог, не объясняясь перед всем миром. Поэтому она только придержала калитку, чтобы та не хлопнула за гостьей, и подождала, пока девушка сама сделает следующий шаг.

На дорожке стояла девушка. Худенькая, бледная, на вид лет шестнадцати, не больше. На ней было простое крестьянское платье с выцветшим цветочным узором и серый плащ, слишком широкий в плечах. Рукава закатаны, но всё равно почти закрывали пальцы. Подол запылился, ботинки покрылись грязью после долгой дороги. Тёмные волосы были заплетены в тугую косу; одна прядь выбилась и прилипла к щеке.

Девушка держалась за калитку, будто та была единственной вещью, которая не давала ей упасть.

Лоретта не стала спрашивать, кто она и откуда пришла.

— Заходишь?

Девушка вздрогнула. На мгновение показалось, что она действительно повернётся и убежит. Но потом разжала пальцы, толкнула калитку и вошла во двор.

— Вы ведьма? — спросила она, поравнявшись с Лоретой.

Голос был ровным, почти безжизненным. Не испуганным, не грубым — просто лишённым всякого оттенка. Лоретта слышала подобные голоса у людей, которые долго не спали, пережили сильный шок или старались не чувствовать того, что чувствовать было слишком больно. Но в девушке не было даже усталости. Она словно забыла, что лицо должно выражать хоть что-нибудь.

Глаза у неё были большие, серые, красивые. И совершенно пустые.

— Сначала зайдём в дом, — ответила Лоретта. — На улице сырость. Чай согреет, а там решим, кто я такая.

Она открыла дверь и пропустила гостью вперёд.

В хижине пахло травами, дымом и тёплой золой. На потолочной балке висели пучки мяты, полыни и тысячелистника; у окна стояли горшки с растениями, которым было не место в обычном крестьянском доме. На полках теснились пузырьки с настойками, коробочки, мешочки, старые книги и несколько вещей, назначение которых Лоретта и сама не всегда могла бы объяснить. Над очагом сушилась связка яблочных долек. На столе лежал нож с костяной рукоятью, ря-

дом — миска с фасолью и деревянная ложка.

Девушка остановилась на пороге. Её взгляд медленно прошёлся по комнате, задержался на пузырьках, на пучках трав, на вышитой занавеске, скрывавшей полки под окном. Потом она посмотрела на узкую кровать в дальнем углу.

Лоретта заметила это.

— Там никто не лежит, — сказала она.

Девушка моргнула, будто только теперь поняла, что смотрит на кровать.

— Я ничего не спрашивала.

— Знаю.

Лоретта сняла с крючка вторую кружку — глиняную, с зелёным узором и облупившейся по краю глазурью. Она любила эту кружку больше остальных, хотя та была неудобной: ручка чуть треснула, и если держать её неправильно, можно было обжечь пальцы. Кружка была старая, но крепкая. Как многие вещи в этом доме.

Полночь бесшумно перебрался с крыльца на лежанку у печи и принялся наблюдать за гостьей.

— Садись, — сказала Лоретта, кивнув на лавку. — Плащ можешь повесить у двери. Если оставишь на спинке, он не высохнет.

Девушка послушно сняла плащ и аккуратно сложила его рядом с собой. Платье под ним оказалось старым, выстиранным до бледности, но тщательно заштопанным. На плечиках и корсете виднелись маленькие вышитые цветы. Неровные

стежки, местами слишком тугие, местами редкие. Работала неопытная рука, но с большим старанием.

Лоретта поставила перед гостьей кружку и села напротив.

— Как тебя зовут?

Девушка обхватила кружку тонкими пальцами. Руки у неё были холодные.

— Элиза.

— Красивое имя.

Элиза никак не отреагировала.

— Ты давно в пути?

— Не знаю.

— Есть где переночевать, если сегодня не захочешь возвращаться?

Девушка подняла глаза. В них мелькнуло что-то похожее на удивление, но тут же исчезло.

— Мне нужно зелье.

Лоретта не стала торопить её. Она подлила в собственную кружку горячей воды и позволила молчанию устроиться между ними. Снаружи зашуршали листья. В очаге лопнула смолистая щепка.

— Какое именно? — спросила она наконец.

— Чтобы полюбить.

Лоретта подняла брови.

— Влюбить в себя кого-то?

— Нет. — Элиза покачала головой. — Чтобы я полюбила его. Моего жениха.

Полночь перестал умываться.

Лоретта заметила это краем глаза, но продолжила смотреть на девушку.

— Как его зовут?

— Септимус.

Лоретта повторила имя про себя, не позволяя лицу измениться. В старых книгах речные духи редко сохраняли человеческие имена. Они выбирали их так же, как люди выбирали одежду для праздника: чтобы произвести нужное впечатление, чтобы казаться теми, кем не являлись. Но Септимус звучал не как имя из деревенской сказки. Оно было слишком гладким, слишком тщательно подобранным, будто его обладатель долго репетировал, как представится при первой встрече.

— Он откуда приехал? — спросила она.

— Издалека. Так сказал староста. — Элиза провела большим пальцем по сколотому краю кружки. — У него были хорошие сапоги и перчатки. Он знал, как разговаривать с отцом. Не спорил, не смеялся над ним. Слушал. А потом сказал, что может помочь.

— И ты ему поверила?

Элиза не ответила сразу. Лоретта почти увидела, как внутри неё сталкиваются два чужих воспоминания: одно — о человеке, который говорил мягко и обещал безопасность, другое — о том, что ей велели чувствовать после разговора с ним.

— Я помню, что мне было спокойно, — сказала она наконец. — Как будто всё уже решили и мне больше не нужно беспокоиться.

Это было хуже, чем простой страх. Страх хотя бы предупреждал об опасности. Чужое спокойствие, вложенное в человека вместо его собственной воли, отнимало у него даже право испугаться.

Имя зацепилось за память, как крючок за ткань. Лоретта не сразу поняла почему. Что-то в звучании показалось ей знакомым — не имя человека, скорее старое слово, которое она когда-то читала в книге, а потом предпочла забыть.

— Давно вы знакомы?

Элиза задумалась. Впервые за всё время её лицо изменилось: брови чуть сошлись, взгляд скользнул к окну, словно ответ был написан на стекле.

— Месяц. Наверное. Я не помню точно.

— А свадьба когда?

— Через две недели.

Лоретта обхватила кружку ладонями. Чай был горячим, но не настолько, чтобы обжечь. Она посмотрела на Элизу: на её неподвижные плечи, на пальцы, которые держались за кружку слишком крепко, на ту самую вышивку, которую девушка, должно быть, делала вечерами, когда ещё могла радоваться простым вещам.

— Ты его любишь? — спросила она прямо.

— Не знаю.

— А он тебя?

— Говорит, что да.

— И он сам посоветовал тебе прийти за зельем?

Элиза кивнула.

— Септимус сказал, что так будет правильно. Что чувство нужно немного подтолкнуть, а любовь придёт потом.

Лоретта почувствовала, как внутри медленно поднимается злость. Знакомая, тёмная, почти болезненная. Она приходила всякий раз, когда кто-то называл чужую волю глупостью, слабостью или неудобством, которое можно исправить. Но сейчас злость задела нечто личное, спрятанное глубоко под рёбрами.

Лоретта осторожно поставила кружку на стол.

— Элиза, посмотри на меня.

Девушка подняла глаза.

— Ты сама хочешь выйти за него замуж?

Губы Элизы дрогнули. Это было первое настоящее движение на её лице.

— Я должна.

— Я спросила не об этом.

— Все говорят, что должна. Отец. Мачеха. Соседи. Староста. Все.

— А ты что говоришь?

Элиза посмотрела на чай. Пар поднимался тонкой струйкой, расплывался и исчезал.

— Давай попробуем иначе, — сказала Лоретта. — Не ду-

май о свадьбе. Не думай о том, чего от тебя ждут. Вспомни, что тебе нравилось до приезда Септимуса. Что ты делала, когда никто не говорил, какой тебе следует быть?

Элиза растерянно нахмурилась. Её губы чуть приоткрылись, но ответ не появился. Она посмотрела на свои руки, будто надеялась найти подсказку на ладонях.

— Я… шила, — произнесла она после долгой паузы. — Мачеха говорила, что у меня получается ровно. Я вышивала цветы на старом платье. Хотела закончить до праздника урожая.

Она коснулась узора на корсете. Пальцы задержались на маленьком синем цветке, и лицо её на мгновение смягчилось. В этом движении было столько бережности, что Лоретта почувствовала укол жалости. Девушка ещё помнила, как любить что-то маленькое и своё. Значит, не всё в ней удалось заглушить.

— А какой цветок тебе нравится больше всего? — спросила ведьма.

— Не знаю.

Ответ прозвучал мгновенно. Элиза испугалась собственной быстроты и попыталась исправиться:

— Наверное, роза. Все любят розы.

— А ты?

Девушка замолчала. Взгляд её стал рассеянным, плечи выпрямились, а пальцы отпустили вышивку. Лоретта увидела, как чужая магия осторожно затягивает узел, едва вопрос

приблизился к чему-то личному.

— Я должна любить то, что любит мой жених, — сказала Элиза ровным голосом.

Лоретта почувствовала, как злость внутри стала холодной и ясной. Это было не просто наваждение, которое можно снять одним заклинанием. Кто-то учил девушку не замечать собственных желаний, а затем заставил считать это добродетелью.

— Я не знаю, как это — говорить самой.

Слова прозвучали так тихо, что Лоретта сперва подумала, будто ослышалась.

Она резко встала и подошла к окну. За стеклом лес стоял неподвижно. Ветер шевелил верхушки деревьев, но ближние ветви не двигались. Это было неправильно. Не настолько, чтобы обычный человек заметил, но ведьма чувствовала такие вещи кожей.

— Пей чай, — сказала она, не оборачиваясь. — Остынет.

Элиза послушно поднесла кружку к губам и обожглась. Она даже не поморщилась.

Лоретта закрыла глаза и прислушалась к своему чутью. Сначала она уловила только запах мяты и дыма. Потом — что-то чужое. Липкое, тёмное, едва заметное, словно паутина, протянутая от девушки куда-то за пределы дома. Магия не просто удерживала Элизу в оцепенении. Она приглушала её волю, стирала собственные желания, оставляя только то, что требовалось кому-то другому.

Лоретта открыла глаза.

— Элиза, давно у вас в деревне проблемы с водой?

Девушка поставила кружку на стол.

— С этим летом. Река сначала обмелела. Потом совсем пересохла.

— Урожай?

— Почти весь погиб. Люди голодают.

— И примерно в то же время к вам приехал Септимус?

Элиза нахмурилась. На этот раз она не просто задумалась — она словно пыталась пробиться сквозь густой туман. Пальцы сжали ручку кружки так крепко, что побелели костяшки.

— Я… не знаю.

— Попробуй вспомнить не то, что тебе сказали, а то, что ты видела сама.

— Он приехал… — Элиза зажмурилась. — На сером коне. Или на чёрном. Я не помню. Староста устроил ужин. Отец сказал, что это большая удача. Что Септимус может спасти деревню.

— Как именно?

— Он обещал, что вода вернётся после свадьбы.

Лоретта медленно выдохнула.

Теперь она вспомнила. Старое имя, древнее предание, несколько строк в книге с потемневшими страницами. Речной дух, который раз в двадцать лет принимал человеческий облик и требовал невесту. В обмен он возвращал воду в пе-

ресохшие земли. Если же жертва не являлась, он уводил реку ещё дальше, оставляя после себя голод и пустые колодцы.

Но в легенде дух назывался иначе.

Лоретта подошла к покосившейся книжной полке возле очага. Там стояли всего три книги, которыми она действительно пользовалась, и ещё несколько старых томов, не открывавшихся годами. Она вынула книгу в потрескавшемся кожаном переплёте. С обложки почти стёрся знак — волна, заключённая в круг. Пыль поднялась в воздух, и Полночь чихнул, возмущённо отступив на край лежанки.

— Прости, — пробормотала Лоретта.

Она перелистнула страницы, пропуская заметки на полях и рисунки давно исчезнувших существ. Бумага шуршала сухо, ломко. Наконец ведьма нашла нужное место и вернулась к столу.

— Посмотри сюда.

Элиза наклонилась над страницей. Там был изображён высокий человек в длинном одеянии, стоящий посреди высохшего русла. Вместо тени у его ног лежали тонкие извилистые линии, похожие на трещины в земле.

— Серпула, — прочла Лоретта. — Древний речной дух. В человеческом облике он приходит к поселениям, которые зависят от его воды. Раз в двадцать лет требует себе невесту. Если жертва принесена, река возвращается в русло. Если нет — дух уводит воду, пока люди не останутся без средств к жизни.

Элиза отодвинулась от книги.

— Нет.

Это было первое слово, произнесённое ею не как ответ, а как сопротивление.

— Септимус сказал, что я буду жить в городе. В хорошем доме. У меня будет своя комната, платья… Он говорил, что я смогу помогать отцу. Что все будут благодарны.

— Он обещал тебе жизнь, которую не собирался отдавать.

— Нет. — Элиза покачала головой, всё быстрее. — Отец согласился. Староста сказал, что так нужно. Они не могли…

— Для них ты стала платой, — тихо сказала Лоретта. — За воду, за урожай, за возможность пережить ещё один год. Может быть, они убедили себя, что другого выхода нет. Но это не делает происходящее справедливым.

Элиза смотрела на рисунок. Её губы дрожали.

— Я не хочу умирать.

Голос сорвался и стал совсем детским.

— Я не хочу. Я не хочу…

Она заплакала — неловко, словно давно разучилась. Сначала беззвучно, потом с сухими, надсадными всхлипами. Слёз было мало, и от этого её лицо казалось ещё более несчастным. Лоретта не стала обнимать её без спроса. Она просто подвинула к ней полотняную салфетку и осталась рядом, пока девушка не смогла снова дышать.

Полночь спрыгнул с лежанки и подошёл к Элизе. Он обнюхал край её плаща, затем осторожно ткнулся лбом в ло-

коть. Девушка замерла. Медленно, будто боялась спугнуть, она протянула руку и коснулась чёрной шерсти.

Кот позволил себя погладить один раз. Потом отвернулся и вернулся к очагу, сохраняя достоинство.

— Он не любит чужих, — сказала Лоретта.

— А меня любит?

— Он ещё не решил.

Уголок рта Элизы дрогнул. Это не было улыбкой, но уже не было и пустотой.

Лоретта поднялась и подошла к полкам с травами. Она перебрала несколько мешочков, сняла маленькую коробочку с верхней полки и достала из неё сушёную полынь, ягоды можжевельника и тонкую берёзовую стружку. К ним добавила несколько корешков, растёртых в порошок. Всё это она сложила в небольшой холщовый мешочек и затянула суровой ниткой.

— Держи.

Элиза посмотрела на него, но не взяла.

— Это зелье?

— Отвар. Он не заставит тебя полюбить Септимуса. И не сделает тебя бесстрашной. Он поможет ослабить чужие чары, чтобы ты снова могла слышать собственные мысли.

— И я смогу уйти?

— Я думаю, да. Но чары сильные. Не жди, что всё пройдёт за одну ночь. Заваривай травы понемногу, на ночь, когда останешься одна. Пей медленно. Если почувствуешь сла-

бость или начнёшь вспоминать то, чего не помнила раньше, не пугайся. Это может быть частью освобождения. Если станет хуже — приходи ко мне.

Элиза взяла мешочек. Пальцы сжались вокруг него судорожно, будто это была единственная вещь в мире, которую она могла удержать сама.

— А деревня? Если я не выйду замуж, вода не вернётся?

Лоретта не ответила сразу. Она могла бы сказать, что всё исправит. Могла бы пообещать, что найдёт способ вернуть реку, победить духа и спасти каждого жителя. Люди любили такие обещания. Особенно когда сами уже не верили ни во что.

Но Лоретта не знала, сможет ли победить Серпулу. Она не знала даже, насколько крепко дух связан с деревней и какие последствия повлечёт разрыв договора.

— Я пока не знаю, — сказала она наконец. — И не стану тебе лгать. Я попробую найти способ помочь твоей деревне. Но сначала нужно, чтобы ты была в безопасности.

— Они будут искать меня.

— Возможно.

— Они скажут, что я предала их.

— Возможно.

Элиза подняла на неё глаза.

— Тогда почему вы помогаете мне?

Лоретта почувствовала, как вопрос коснулся чего-то старого. На миг ей показалось, что за спиной девушки стоит

кто-то маленький, светловолосый, с поднятым к ней лицом. Видение было таким коротким, что она не успела разглядеть черты. Осталось лишь ощущение тёплой ладони в её руке и знакомая боль под рёбрами.

Лоретта моргнула. Комната снова была пустой, если не считать девушки, кота и привычных вещей.

— Потому что ты пришла сюда за помощью, — ответила она. — И потому что никто не должен решать за тебя, стоит ли тебе жить.

Элиза долго смотрела на неё, словно пыталась понять, можно ли верить таким словам. Потом медленно кивнула.

— Я не знаю, как говорить самой, — повторила она.

— Научишься. Не за один день. И не потому, что я так сказала. Начни с малого.

— С чего?

Лоретта пододвинула к ней миску с мёдом и краюху хлеба.

— Скажи, хочешь ли ты есть.

Элиза посмотрела на хлеб. Потом — на ведьму.

— Хочу, — произнесла она так тихо, что это почти потерялось в треске очага.

— Хорошо. Тогда ешь.

Девушка взяла кусок хлеба, макнула в мёд и откусила. Сначала осторожно, будто ожидала, что ей запретят. Потом ещё раз. Она ела медленно, но с каждым кусочком плечи понемногу опускались, а пальцы переставали дрожать. Когда хлеб закончился, Лоретта налила ей свежего чая.

— Тебе нужно отдохнуть, прежде чем идти обратно.

— Я не могу вернуться домой.

— Тогда не возвращайся. Можешь посидеть здесь, пока не почувствуешь, что готова идти дальше. Если хочешь, я покажу место, где можно переждать до вечера. А если решишь бежать — помогу найти дорогу.

Элиза посмотрела на дверь. На миг в её глазах снова появился страх, но теперь он был живым, понятным.

— Я не знаю, куда идти.

— Это можно решить позже.

Лоретта сказала это спокойно, словно речь шла о выборе, куда поставить корзину с травами. Иногда человеку нужно было сначала услышать, что ему не обязательно решить всю свою жизнь за один разговор.

Элиза допила чай. Потом осторожно сложила салфетку и положила её рядом с пустой кружкой.

— Спасибо.

Слово вышло неровным, непривычным. Но это было её собственное слово, выбранное ею самой.

Лоретта кивнула, не делая из этого события.

Когда Элиза собралась уходить, ведьма помогла ей затянуть плащ и показала узкую тропку, которая вела в сторону старой охотничьей сторожки. Там можно было укрыться от дождя и переждать до темноты. Лоретта объяснила, как не сбиться с пути, где обойти заболоченную низину и почему не стоит отвечать, если из леса позовут по имени.

— А если позовёт отец? — спросила Элиза.

— Если это действительно твой отец, он сможет подойти к тебе сам. Не нужно идти на голос.

Девушка запомнила это, повторив про себя несколько раз.

У калитки она остановилась.

— Вы ведь не станете рассказывать им, где я?

— Нет.

— Даже если они придут?

— Даже если придут.

Элиза кивнула. На этот раз её взгляд не был пустым. Страх никуда не исчез, но рядом с ним возникло что-то ещё — слабое, неуверенное желание самой выбрать следующий шаг.

Она вышла на тропинку и оглянулась лишь один раз.

Лоретта стояла у калитки, пока серый плащ не скрылся за деревьями. Ветер качнул верхушки сосен, и лес сомкнулся за девушкой так тихо, словно никогда её не пропускал.

— Думаешь, справится? — спросила Лоретта.

Полночь сидел на ступеньке крыльца. Он посмотрел в ту сторону, куда ушла Элиза, потом на хозяйку.

— Да, я тоже не знаю, — ответила ведьма за него.

Она вернулась в дом и закрыла дверь. На столе остались две кружки, крошки хлеба и маленькое пятно мёда. Лоретта убрала посуду, вытерла стол, поставила чайник на огонь. Потом остановилась перед книжной полкой и посмотрела на старый том, который не успела убрать.

Имя Серпулы по-прежнему лежало в памяти тяжёлым камешком. Если легенда не лгала, договор с деревней существовал много лет. И если дух уже начал забирать воду, то невеста была не единственной частью его замысла.

Лоретта открыла книгу снова, но строки расплывались перед глазами. Она слишком устала, хотя утро едва началось.

Она заставила себя вернуться к записи о Серпуле. На полях старого тома прежний владелец вывел несколько заметок мелким, почти нечитаемым почерком. Речной дух не просто требовал жертву: он заключал договор с теми, кто соглашался отдать её. Вода возвращалась не из милости, а как плата за исполнение условий. И если жители сами привели невесту к берегу, дух мог считать договор добровольным.

Лоретта сжала край страницы. Значит, Элиза была не единственной, кто оказался в ловушке. Вся деревня уже давно жила внутри чужой сделки — возможно, никто из нынешних жителей даже не знал, кто заключил её первым. Но легенда не объясняла, что случится, если жертва откажется. В старых сказаниях подобные подробности часто опускали: людям нравились истории, в которых цена была известна заранее и не требовала от рассказчика неприятных ответов.

Полночь спрыгнул с подоконника и подошёл к книге. Он не стал нюхать страницы, как делал обычно, а положил лапу прямо на рисунок высохшего русла. Лоретта посмотрела на него.

— Не сейчас, — сказала она устало. — Мне и без тебя

хватает загадок.

Кот убрал лапу, но не отошёл. Его зелёные глаза оставались прикованы к странице, и Лоретта вдруг заметила, что шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

Она подошла к двери и выглянула наружу. Ветер стих. Солнечный свет лежал на траве ровным золотистым пятном, однако в воздухе чувствовался запах сырого камня и тины — запах речного дна, которое слишком долго оставалось без воды. Он пришёл откуда-то из глубины леса, хотя ближайший ручей протекал далеко от хижины.

Лоретта закрыла глаза и прислушалась. Ей почудился низкий, протяжный звук, похожий на плеск воды в пустом колодце. Когда она открыла глаза, звук исчез. Остался только лес и сухое шуршание листьев.

Она вернулась к столу и достала лист бумаги. Записала имя Серпулы, дату, которую могла приблизительно определить по рассказу Элизы, и три вопроса: кто заключил договор; почему дух выбрал именно эту девушку; что произойдёт, если невеста не явится. Ответов не было. Но вопросы уже не позволяли ей сделать вид, будто всё закончилось с уходом гостьи.

Лоретта отложила перо. Она пообещала Элизе найти способ помочь деревне — не обещала победить духа, вернуть реку или спасти всех, кто участвовал в сделке. И всё же теперь понимала, что не сможет оставить это дело без внимания. Чужая беда уже переступила порог её дома и оставила

на столе след, который не смывался простой водой.

Полночь прыгнул на подоконник и уставился в лес. Его хвост медленно двигался из стороны в сторону.

— Это только первый гость, — сказала Лоретта, возвращаясь к столу. — День будет долгий.

Кот не шелохнулся. Только одно ухо дрогнуло.

За окном лес снова замолчал. Где-то далеко, за несколькими холмами, там, где должна была течь река, сухая земля трескалась под утренним солнцем.

А в хижине ведьмы закипал чайник, и очаг потрескивал так уютно, будто ничего дурного в мире не происходило.

Глава 2. Рыцарь

Дождь начался ещё до полудня.

Сначала он едва трогал крышу — редкими каплями, будто кто-то пробовал пальцем холодное стекло. Потом разошёлся, зашуршал по листьям, потёк по оконным стёклам кривыми дорожками. Лес за окном потемнел, и тропинка, по которой утром ушла Элиза, почти исчезла под мокрой хвоей.

Лоретта сняла с печи горшок с похлёбкой и переставила его на край стола. В доме пахло луком, сушёными грибами и дымом. Полночь дремал на лежанке, подложив лапы под грудь, но стоило хозяйке открыть шкаф, как он приподнял голову.

— Нет, тебе не грибы, — сказала она, доставая мешочек с сушёным чабрецом. — Ты и так вчера выпросил кусок рыбы. Не смотри на меня так.

Кот медленно моргнул.

Лоретта покачала головой и развязала тесёмку. В мешочке осталось совсем немного травы. Пора было пополнить запасы, но для этого требовалось сходить к ручью, а дождь пока не собирался утихать.

Она решила заняться травами после обеда. Заодно проверить сушильную полку, перебрать корешки и смазать петлю на ставне, которая скрипела уже третье утро подряд.

Обычные дела успокаивали. У каждой вещи было своё ме-

сто, у каждой травы — своё назначение. Если не торопиться, почти любую неприятность можно было исправить: подлатать крышу, залечить порез, отмыть закопчённый котелок.

С людьми, правда, всё обстояло сложнее.

Лоретта как раз пересыпала чабрец в маленькую глиняную банку, когда Полночь встал на лежанке.

Не потянулся, не зевнул, не спрыгнул на пол, чтобы привычно потереться о её ногу. Просто замер, повернув голову к окну.

Лоретта посмотрела на него.

— Что там?

Кот не ответил, разумеется. Он никогда не отвечал словами. Но шерсть на его загривке чуть приподнялась, а уши повернулись в сторону леса.

Тогда она услышала.

Сквозь дождь пробивался тяжёлый, неровный звон. Металл ударялся о металл, замирал, потом снова отзывался глухим лязгом. Между звуками слышалось хриплое дыхание и скрип мокрого седла.

Кто-то ехал к дому.

Лоретта вытерла руки о передник и подошла к окну.

На тропинке показался всадник. Он сидел на высокой, исхудавшей лошади, которая осторожно переставляла ноги между корнями. На всаднике были доспехи, когда-то, должно быть, добротные, но теперь покрытые бурой ржавчиной. Плащ выцвел настолько, что уже нельзя было разобрать, был

ли он синим или серым. На левом плече темнело пятно, похожее на старую кровь.

Человек спешился у калитки.

Он сделал это неуклюже, придерживая бок. Лошадь качнула головой и потянулась к пожухлой траве, а всадник некоторое время стоял, опираясь рукой о седло. Потом выпрямился, будто вспомнил, что его могут увидеть, и направился к крыльцу.

Лоретта успела заметить, как он прихрамывает.

Дверь она открыла прежде, чем он поднял руку для стука.

— Заходи. Промокнешь до костей.

Мужчина остановился на нижней ступеньке.

Теперь она могла рассмотреть его лицо. Когда-то оно, вероятно, было приятным: правильные черты, прямой нос, упрямый подбородок. Но годы и усталость словно понемногу стирали с него всё человеческое. Под глазами залегли тёмные тени, на щеке белел тонкий шрам, а возле рта пролегли складки человека, привыкшего сдерживать слова, которые ему хотелось выкрикнуть.

Он смотрел на Лоретту так, словно увидел не просто женщину, открывшую дверь, а призрак.

— Ты… — начал он и осёкся.

Лоретта ждала.

— Простите. Я думал, вы будете другой.

— Какой?

Он отвёл глаза, и на мгновение в его лице появилось что-

то растерянное, почти мальчишеское.

— Не знаю. Старше, наверное.

— Тогда ты разочарован. Заходи, пока не убедился, что я ещё и злая.

Он слабо усмехнулся, но улыбка не удержалась на лице.

Войдя в дом, он пригнулся под низкой притолокой. От него пахло мокрой кожей, конским потом, железом и чем-то горьким — запахом старого дыма, въевшегося в одежду. С его плаща на пол падали тяжёлые капли.

Полночь спрыгнул с лежанки, обошёл незнакомца по дуге и остановился возле его сапог. Понюхал край плаща, затем поднял голову.

Мужчина осторожно отодвинул ногу, чтобы не задеть кота.

— Чёрный, — произнёс он. — Как ночь.

— Очень наблюдательно, — ответила Лоретта. — Садись. Чай будешь?

— Я пришёл не за чаем.

— Это я уже поняла. Но промокшие люди сначала пьют чай, а потом рассказывают, что им понадобилось. Иначе мне приходится лечить их не только от того, с чем они пришли, но и от простуды.

Он посмотрел на неё ещё раз. На этот раз — внимательнее.

— Вы и правда не изменились.

Слова прозвучали тихо, почти невольно.

Лоретта задержала руку на ручке чайника.

— Мы знакомы?

Мужчина не ответил сразу. Он снял перчатки. На пальцах виднелись старые рубцы, на костяшках — свежие ссадины. Ногти были обломаны, а кожа возле большого пальца воспалена, словно он недавно долго сжимал что-то тяжёлое.

— Да, — сказал он наконец. — Знакомы.

— Тогда тебе придётся помочь моей памяти. Я не всех, кого встречала, помню по имени.

— Ренар. Сир Ренар.

Он произнёс титул без гордости. Скорее так, как называют вещь, которую давно пора выбросить, но всё ещё зачем-то хранят.

— А вы — Лоретта.

— Это имя я пока помню.

— Я знаю.

И опять в его голосе прозвучало что-то странное. Не насмешка, не упрёк. Скорее печаль, которую он не имел права показывать.

Лоретта поставила перед ним кружку и подвинула поближе хлеб, оставшийся с утра.

— Вот. Теперь рассказывай.

Ренар обхватил кружку обеими руками. Пальцы у него дрожали, и чай едва заметно плескался у края.

— Вы жили в городе, — произнёс он. — У старых ворот. У вас была лавка с травами.

Лоретта присела напротив.

— Должно быть, много лет назад. Я действительно жила в городе. Но почему ты решил, что это имею в виду именно я?

Он поднял на неё глаза.

— Потому что вы лечили мою мать.

За окном хлестнул дождь. Ветер ударил в ставню, и та отозвалась знакомым скрипом.

Лоретта невольно повернула голову к окну, будто этот звук мог подсказать ей ответ.

— Твою мать?

— Она тяжело болела. Долго. Врачи говорили, что ей осталось недолго, и я… — Он запнулся, провёл ладонью по лицу. — Я тогда служил в городской страже. Стоял у ворот, сопровождал обозы, иногда помогал караулу во дворце. Получал немного, но на двоих хватало. Потом она слегла окончательно.

Он говорил медленно, подбирая слова. Будто вспоминать было тяжелее, чем нести на себе доспехи.

— Я обошёл всех лекарей, каких знал. Большинство брали деньги за визит, потом ещё за настойки, потом за новые настойки. Один сказал, что у неё слабое сердце. Другой — что дурная кровь. Третий посоветовал молиться и готовиться к похоронам.

— А потом пришёл ко мне?

— Нет. Сначала пришла она. Соседка рассказала, что у старых ворот живёт женщина, которая умеет лечить травами

и не спрашивает, сколько у тебя в кошельке. Я отнёс вас к ней… — Он резко замолчал и нахмурился. — Нет. Простите. Я перепутал. Это я пришёл к вам. Мать уже не могла ходить.

Лоретта слушала, стараясь не показывать замешательства.

Она знала, как пахнут сушёные листья в тесной лавке. Знала, как выглядит городская улица после дождя, когда вода стекает по камням и собирается в лужах у порогов. Но стоило попытаться представить собственную лавку, как мысли рассыпались, словно сухие семена, высыпанные из разорванного мешочка.

Была ли у неё когда-то лавка? Вероятно.

Ведь она знала слишком много о травах, слишком уверенно различала болезни, слишком легко находила нужное средство даже тогда, когда не могла объяснить, откуда знает его свойства.

Но люди, которые приходили к ней прежде, оставались без лиц.

— Я помогла твоей матери? — спросила она.

— Помогли. Вы приходили к нам несколько недель. Давали настойки, меняли повязки, заставляли её есть, даже когда она отказывалась. Она говорила, что вы ругаетесь не хуже городского лекаря, только от вас почему-то не хочется прятаться под одеяло.

Уголок его рта дрогнул.

— В последний раз, когда вы были у нас, она уже могла

сидеть у окна. Не долго. Но могла. Она сказала, что впервые за много месяцев чувствует запах яблок, которые я принёс с рынка.

Ренар опустил взгляд на кружку.

— Я хотел вас отблагодарить. Пришёл через несколько дней, а лавка была закрыта. Соседи сказали, что вы уехали. Кто-то говорил — сбежали. Кто-то — что вас выгнали. Кто-то шептал, будто вы связались с лесной нечистью. Никто ничего не знал.

— Люди охотно придумывают объяснения, когда не знают правды, — сказала Лоретта.

— Да. Теперь я это понимаю.

Он произнёс эти слова с такой горечью, что она невольно посмотрела на него внимательнее.

— А потом?

— Потом мать умерла.

Он не стал добавлять, что она умирала не сразу, что последние дни были тяжёлыми, что он просиживал возле её кровати и менял холодные тряпки на лбу, пока за окном светлело. Всё это и так читалось в его лице.

— Мне нужны были деньги, — продолжил он. — На лекарства, на еду, на долги, которые накопились за время болезни. Я решил, что смогу заработать больше, если поступлю на службу к королю. Там платили за риск. За охрану караванов, за сопровождение гонцов, за всякие поручения, о которых не следовало расспрашивать.

— И ты стал рыцарем?

— Сначала был простым стражником. Потом меня заметили. Я умел обращаться с мечом, не боялся дороги и не задавал лишних вопросов. Королю нужны такие люди. Люди, которые могут сделать то, на что другие не согласятся.

Ренар провёл большим пальцем по краю кружки.

— Сначала всё казалось временным. Один приказ, потом другой. Приказать крестьянам покинуть деревню, потому что земля нужна королевским людям. Забрать лошадей у тех, кто не может заплатить налог. Найти человека, которого обвиняют в измене, и доставить его во дворец. Не задавать вопросов, если он кричит, что невиновен.

— А он был невиновен?

Ренар посмотрел на неё.

— Иногда. Иногда нет. Но это уже ничего не меняло.

Он сделал глоток, поморщился: чай успел остыть.

— Я говорил себе, что у меня нет выбора. Что я служу королю, что так устроен мир. Что если не я, то придёт другой, и сделает то же самое, только хуже. А потом я перестал искать оправдания. Просто выполнял приказы. Получал деньги. Пил. Дрался. Снова получал деньги.

— И теперь?

Он долго молчал.

— Теперь мне поручили убить тролля.

Лоретта не сразу ответила. За окном дождь стал тише, но лес по-прежнему стоял тёмной стеной.

— Где?

— На горном перевале. Он перекрыл дорогу обозам. Лорд обещает награду тому, кто уберёт его. Говорят, тролль нападает на путников, ломает телеги, ворует припасы. Мне дали приказ разобраться.

— И ты приехал ко мне за благословением?

— За благословением на меч, — поправил он. — Я слышал, что вы умеете наделять оружие силой. Чтобы удар был верным. Чтобы чудовище не поднялось после первого удара.

Лоретта медленно поставила свою кружку на стол.

— А если я откажусь?

— Тогда я поеду без благословения.

— И убьёшь тролля?

— Если он действительно угрожает людям.

— Ты видел его?

— Нет.

— Говорил с ним?

— Нет.

— Знаешь, почему он перекрыл дорогу?

Ренар раздражённо сжал челюсти.

— Мне сказали, что он опасен.

— Значит, ты ничего о нём не знаешь.

— Я знаю, что за его голову назначена награда.

— Это не одно и то же.

Он резко поднялся, и доспехи загремели. Полночь отступил на шаг, но не убежал.

— Вы думаете, мне нравится этим заниматься? — спросил Ренар. — Думаете, я приезжаю сюда от хорошей жизни? Я знаю, что такое грязная работа. Знаю, что я стал человеком, которого когда-то сам презирал. Но если я откажусь от приказа, меня объявят предателем. Если сбегу — будут искать. Если останусь без денег, я не протяну и месяца. Мне некуда идти.

— Ты мог бы начать с того, чтобы не убивать того, кого даже не видел.

— И что потом? Попросить у него прощения за то, что явился с мечом? Устроиться пасти коз? Вы не знаете, что такое служить королю.

— Нет, — тихо ответила Лоретта. — Не знаю.

Её спокойствие, казалось, разозлило его сильнее, чем любой упрёк.

— Тогда не говорите так, будто всё просто.

— Я не говорю, что просто. Я говорю, что ты всё ещё можешь выбирать.

— Выбор есть у тех, кому есть что терять.

Лоретта замерла.

Фраза была обычной. Горькой, но обычной. И всё же что-то в ней задело её так, словно незнакомец произнёс слова, которые она когда-то уже слышала.

На мгновение ей почудился запах мокрого камня и трав, растёртых в ступке. Перед глазами мелькнуло тёплое пятно света, будто солнце падало на деревянный стол. Чья-то рука

лежала рядом с её собственной — большая, мужская, с тёмной полоской сажи на запястье.

Лоретта моргнула.

Комната снова стала прежней. Чайник, стол, рыцарь с ржавыми доспехами. За окном дождь.

— Что с вами? — спросил Ренар.

— Ничего.

Она потёрла висок.

— Иногда у меня болит голова.

Это была правда, но не вся. Она не могла объяснить, почему от его слов в груди возникло странное чувство — не боль, а пустота вокруг боли, будто внутри неё имелось место, откуда вынули что-то важное и тщательно замели следы.

Ренар смотрел на неё с сомнением.

— Раньше вы не жаловались на головную боль.

— Ты слишком хорошо меня помнишь для человека, которого я не помню вовсе.

Он отвёл взгляд.

— Возможно.

В его голосе не было упрёка. И почему-то от этого стало ещё тяжелее.

Лоретта поднялась.

— Пойдём к очагу.

— Зачем?

— Потому что ты приехал за помощью, а мы пока только спорим. И потому что, если я собираюсь что-то тебе совето-

вать, мне нужно понять, кто передо мной сидит.

Она подбросила в огонь сухую щепу. Пламя вспыхнуло, осветило стену и бросило на неё две длинные тени.

Ренар нехотя сел на скамью. Когда он наклонился, чтобы снять перчатки, Лоретта заметила, как тяжело ему сгибать пальцы. Ржавчина на наручах въелась в кожу, и под краями металла виднелись воспалённые полосы.

— Эти доспехи давно пора снять, — сказала она.

— Они ещё послужат.

— Я не про железо.

Он ничего не ответил.

Лоретта села рядом, но не коснулась его сразу. Она смотрела на огонь, пока пламя не стало ровным и золотистым.

— Ты сказал, что прежде умел делать добро.

— Я не говорил этого.

— Нет. Но ты помнишь, каким был. И именно поэтому тебе так тяжело смотреть на себя нынешнего.

Ренар стиснул руки.

— Не надо.

— Я не собираюсь тебя судить. Но и оправдывать не стану.

Она протянула ладонь к очагу. Пламя дрогнуло, вытянулось тонкими языками, словно прислушивалось к её голосу.

— Посмотри.

Сначала в огне ничего не изменилось. Затем между поленьями проступили очертания другой комнаты. Маленькой, бедной, с низким потолком и окном, завешенным выцвет-

шей тканью.

Ренар перестал дышать.

Он увидел себя молодым. Без шрамов, без тёмных кругов под глазами, без тяжёлой складки между бровями. На нём была простая форма городской стражи, а на поясе висел меч, ещё почти новый. Он сидел возле кровати, на которой лежала женщина с седыми волосами. Она была худой, но улыбалась. На тумбочке стояла миска с водой, рядом — несколько баночек с травами.

Молодой Ренар осторожно поддерживал её за плечи, помогая выпить настой.

— Не горько? — спросил он.

— Горько, — ответила женщина. — Зато ты перестанешь смотреть на меня так, будто я уже умерла.

Он опустил голову.

— Не говори так.

— А ты не смотри.

Женщина протянула руку и коснулась его щеки.

— Ты хороший мальчик, Рен. Не позволяй миру убедить тебя в обратном.

Пламя дрогнуло. Комната исчезла.

Следом возникла другая картина: городская улица, залитая летним светом. У дверей маленькой лавки стояла молодая женщина с длинными волосами, собранными в косы. Она держала корзину с травами и разговаривала с кем-то за пределами видения. Лица собеседника Ренар не видел, зато

женщину узнал сразу.

— Лоретта… — выдохнул он.

Видение погасло прежде, чем он успел разглядеть больше.

Лоретта отняла руку от огня. Её сердце билось слишком быстро.

— Это была я?

Ренар медленно повернулся к ней.

— Да.

— У меня были длинные волосы?

— До пояса. Две толстые косы. Вы всегда закалывали их, когда работали, чтобы они не попадали в ступку.

Она коснулась коротких прядей, выбившихся из-под косынки.

— Не помню.

Он посмотрел на её волосы так, словно только сейчас понял, насколько много изменилось.

— Я заметил, что вы их отрезали. Но думал, что это… — Он не закончил.

— Что?

— Ничего. Простите.

Лоретта не стала настаивать. Ей вдруг показалось, что за его молчанием стоит нечто, к чему она пока не готова приблизиться.

— А теперь посмотри ещё раз, — сказала она. — На себя.

Пламя почернело по краям. В его глубине возник молодой рыцарь, стоящий на коленях перед старым наставником. Тот

вкладывал ему в руки меч.

— Запомни, мальчик, — произнёс старик. — Меч дан тебе не для того, чтобы доказывать силу. Он нужен, чтобы слабый мог остаться на ногах, когда сильный решит его сломать.

Ренар смотрел, не мигая.

Картина сменилась. Он увидел горящую деревню. Женщина бежала по улице с ребёнком на руках, дым застилал небо. Молодой Ренар выбежал из горящего дома, прижимая к груди маленькую девочку. Он передал её матери, а та схватила его за руки и заплакала.

— Спасибо, сир. Спасибо!

Тогда он ещё улыбался. Не широко, не победно, а просто — как человек, который сделал то, что должен был.

Огонь снова изменился.

Теперь Ренар стоял перед королевским наместником. На столе лежал свёрнутый приказ, рядом — кошель с монетами. Наместник говорил что-то, указывая на карту. Молодой стражник слушал, всё ещё пытаясь сохранить прямую спину.

— Там живут люди, — сказал он.

— Там живут должники короны, — ответил наместник. — Не путай одно с другим.

— Но у них дети.

— А у тебя есть мать, которую надо кормить.

Видение замерло.

Лоретта не вмешивалась. Она чувствовала, как Ренар напрягся всем телом, будто хотел встать и уйти, но не мог ото-

рвать взгляда от огня.

Потом пламя показало ему самого себя — старше, с лицом, покрытым грязью, с мечом в руке. Он стоял возле опрокинутой телеги. На земле сидел старик, закрывая собой маленького мальчика. Ренар видел, как его собственная рука поднимается, как он кричит что-то, чего теперь не мог разобрать. Видел испуганные глаза ребёнка. Видел, как старик прижимает его к груди.

И видел себя, отворачивающегося.

Следующая картина была ещё короче: деревенская площадь, люди, согнанные под дождём, и женщина, которая пыталась удержать за руку подростка. Ренар забирал у неё мешочек с монетами. Она не сопротивлялась, только смотрела на него так, словно он был последним человеком, от которого она ожидала беды.

Потом — дорога. Пьяная драка. Кровь на костяшках. Чужой кошель. Чужой страх.

И снова он сам, нынешний, в ржавых доспехах, с усталым лицом, в котором почти не осталось ничего от молодого стражника.

— Хватит, — прохрипел Ренар.

Пламя продолжало гореть.

— Хватит!

Лоретта подняла руку, и видения исчезли. Остался только очаг, сухое потрескивание поленьев и дождь за окном.

Ренар сидел, сгорбившись, закрыв лицо ладонями. Плечи

его дрожали, но он не издавал ни звука.

Лоретта не стала его утешать. Иногда человеку нужно было остаться наедине с тем, что он наконец увидел.

Она поднялась, принесла чистую тряпицу и поставила возле него миску с тёплой водой. Потом вернулась к столу и занялась травами, оставляя ему время.

Минуты тянулись медленно.

Наконец Ренар опустил руки.

— Я ведь не всегда был таким, — сказал он глухо.

— Нет.

— Я спасал людей.

— Да.

— И всё равно потом делал то, что делал.

— Да.

Он поднял на неё красные глаза.

— Вы могли бы хоть раз сказать, что я не виноват.

— Могла бы. Но ты бы мне не поверил.

Ренар сжал губы.

— Я не знаю, как жить с этим.

— Сначала перестань добавлять к этому новые поступки, о которых потом будешь жалеть.

— Вы говорите так, будто можно просто повернуть коня и уехать.

— Не просто. Но можно.

Он невесело усмехнулся.

— Король не отпустит меня.

— Я не говорила, что он отпустит.

— Если я откажусь убивать тролля, меня назовут предателем.

— Возможно.

— Меня лишат звания. Заберут деньги. Могут отправить за мной людей.

— И это тоже возможно.

— Вы совсем не помогаете.

— Я не обещала сделать твой выбор безопасным, Ренар. Я могу лишь помочь тебе понять, какой выбор ты делаешь.

Он отвёл взгляд к огню.

— А если я не смогу измениться?

— Тогда тебе придётся снова попробовать завтра.

В доме стало тихо. Полночь подошёл к Ренару и сел возле его сапога. Некоторое время кот смотрел на него, затем осторожно ткнулся головой в его колено.

Рыцарь замер. Потом медленно опустил ладонь и погладил чёрную шерсть.

— Странный у вас кот, — сказал он.

— Он сам выбирает, кого утешать.

— И меня выбрал?

— Не обольщайся. Возможно, он просто решил, что ты слишком долго сидишь на одном месте.

Ренар тихо рассмеялся. Смех вышел хриплым и коротким, но в нём впервые не было горечи.

Лоретта взяла с полки небольшую баночку. Внутри плес-

калась мутноватая жидкость, пахнущая родниковой водой и свежим корнем.

— Сними наручи.

Он подчинился. Когда металл соскользнул с запястий, кожа под ним оказалась воспалённой, местами покрытой мелкими язвами. Ржавчина въелась в ремни, а на внутренней стороне наручей виднелись бурые пятна.

— Давно не снимал? — спросила Лоретта.

— Не помню.

— Это плохой ответ для человека, который носит железо на голой коже.

Она смочила тряпицу и осторожно очистила раны. Ренар вздрогнул, но не отдёрнул руку.

— Ржавчина не появляется за один день, — сказала она. — Сначала это маленькое пятно. Его можно соскоблить, пока металл цел. Потом оно расползается. Если долго не обращать внимания, однажды доспехи развалятся прямо на тебе.

— Вы сейчас о доспехах?

— А ты как думаешь?

Она нанесла на кожу густую мазь, пахнущую мёдом и горькими травами, и перевязала запястья чистой тканью.

— Но даже самые испорченные доспехи можно разобрать, очистить и починить. Не все детали удастся спасти. Некоторые придётся выбросить. И всё равно это не значит, что человек под ними тоже испорчен безвозвратно.

Ренар смотрел на свои руки.

— А если он сам уже не знает, где кончается железо и начинается он?

Лоретта на мгновение замолчала.

Она вдруг поняла, что этот вопрос относится не только к нему. Ей самой порой казалось, что она живёт внутри чужой истории, от которой остались одни обрывки. Она знала, как варить лекарства, как разговаривать с лесом, как находить дорогу в темноте. Но стоило попытаться вспомнить, кем она была до хижины, как перед ней возникала гладкая стена.

Что-то было за этой стеной.

Что-то, что она сама не могла или не хотела увидеть.

Лоретта отогнала мысль.

— Тогда нужно начать с малого, — ответила она. — Снять один наруч. Потом второй. А дальше решать, что делать с остальным.

Ренар долго молчал.

— Что мне делать с троллем?

— Сначала найти его. Посмотреть ему в глаза. Выслушать, что он скажет. Если после этого ты всё ещё решишь, что его нужно убить, по крайней мере будешь знать, кого убиваешь и зачем.

— А если он нападёт на меня?

— Защищайся. Я не прошу тебя бросить меч и подставить шею. Я прошу тебя не путать осторожность с жестокостью.

Она подошла к столу и достала чистую склянку.

— Это вода из родника у северной тропы. Тролль охраня-

ет его. Несколько лет назад он пришёл сюда с раной на боку — на него напал медведь. Я помогла ему, а он рассказал, почему остался на перевале.

Ренар нахмурился.

— И почему?

— Каждую зиму там сходили лавины. Люди гибли, обозы пропадали, дорогу заносило снегом. Тролль укрепляет склон, убирает камни, расчищает путь. Купцы платят ему за работу — едой, инструментами, иногда старой одеждой. Он не перекрывает дорогу ради забавы. Он не хочет, чтобы люди гибли на его горе.

— А лорд говорит, что тролль мешает добывать руду.

— Вот именно.

Ренар посмотрел на склянку.

— Значит, меня послали убить его, чтобы освободить землю под рудники.

— Похоже на то.

— А если я откажусь, они пошлют другого.

— Возможно.

— Тогда ничего не изменится.

Лоретта протянула ему склянку.

— Не всё в мире зависит от одного человека. Но то, что зависит от тебя, всё равно остаётся твоим.

Он взял её, осторожно сжав в ладони.

— Вы всегда так разговаривали?

— Как?

— Будто знаете ответы, но не собираетесь давать их целиком.

Лоретта хотела улыбнуться, но вместо этого почувствовала странную пустоту.

— Наверное, когда-то я знала больше, чем теперь.

Ренар посмотрел на неё, но не стал задавать вопросов.

Он поднялся. Снятые наручи лежали на скамье, а кираса всё ещё тускло поблёскивала у очага. Ренар потянулся к ней, но остановился.

— Оставь её, — сказала Лоретта. — Пусть просохнет. Если ржавчина не съела металл насквозь, я попробую её очистить.

— Вы не обязаны.

— Знаю.

Он медленно кивнул.

— Я не обещаю, что стану другим человеком за одну ночь.

— И не надо. Просто не делай вид, что прежний путь — единственный.

Ренар надел плащ. У двери он задержался и оглянулся.

— Я помню вашу лавку, Лоретта. Помню, как вы сердились, если кто-нибудь путал сушёную крапиву с мелиссой. Помню, как вы ругали меня за то, что я приносил матери холодную воду прямо из колодца. И помню, что однажды вы сказали: человек не становится плохим только потому, что ему плохо.

Лоретта молчала.

— Я думал об этих словах много лет, — продолжил он. — Особенно когда делал то, за что сам себя ненавидел. Наверное, поэтому и приехал. Я хотел услышать их снова. Хотел, чтобы вы сказали мне, что ещё не поздно.

Он опустил голову.

— Но вы меня не помните.

В этих словах не было обвинения. Только усталое принятие того, что даже надежда иногда приходит слишком поздно.

Лоретта почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Прости, — сказала она. — Я не знаю, почему так вышло. Но мне жаль, что я не могу дать тебе то, за чем ты пришёл.

— Вы уже дали.

Он открыл дверь. В дом ворвался запах дождя и мокрой земли.

— Я попробую поговорить с троллем.

— Хорошо.

— Если он не захочет меня слушать…

— Тогда попробуешь ещё раз. Но не забывай, зачем пришёл.

Ренар кивнул и вышел.

Лоретта смотрела из окна, как он отвязывает лошадь. Он не сразу сел в седло: сначала проверил подпругу, затем осторожно погладил животное по шее и что-то тихо сказал ему.

Лошадь фыркнула и ткнулась мордой ему в плечо.

Рыцарь выпрямился, поправил плащ и направил коня к лесной тропе.

Он уезжал всё таким же усталым, всё в тех же ржавых доспехах. Ничего не изменилось за несколько часов — ни его прошлое, ни королевские приказы, ни опасность, которая ждала впереди. Но теперь он хотя бы знал, что может поступить иначе.

Иногда этого было достаточно для первого шага.

Полночь потёрся о ногу Лоретты.

— Да, я тоже надеюсь, что он справится, — сказала она.

Кот поднял на неё зелёные глаза.

И снова — это странное чувство. Будто она уже стояла у другого окна, в другом доме, и провожала кого-то, кто уходил навстречу беде. Будто когда-то у неё были длинные волосы, которые мешали работать, и чья-то рука привычно убирала их с её плеча.

Лоретта резко обернулась.

За спиной никого не было.

Она прижала пальцы к виску, стараясь удержать ускользающее ощущение, но оно растаяло, оставив только тихую боль.

— Что же со мной происходит? — прошептала она.

Полночь ничего не ответил. Он лишь поднялся на задние лапы, поставил передние ей на колено и посмотрел так внимательно, что Лоретте на миг стало не по себе.

Она погладила его по голове.

— Ладно. Не сейчас.

Потом вернулась к столу, убрала кружки и подняла с пола снятые Ренаром наручи. С них осыпались мелкие бурые чешуйки. Лоретта провела пальцем по одному из пятен, и ржавчина неожиданно поддалась, рассыпалась в тонкую пыль.

Под ней оказался целый металл.

Она долго смотрела на это маленькое открытие.

А потом отнесла наручи к очагу, чтобы они высохли, и принялась за свои травы.

За окном лес постепенно темнел. Дождь всё ещё шёл, но где-то далеко, за деревьями, над горами уже пробивался холодный свет.

И в глубине очага, там, где угли казались почти чёрными, на мгновение мелькнула тень.

Будто кто-то стоял за спиной Ренара.

Будто кто-то наблюдал за тем, как человек пытается выбраться из собственной тьмы.

А потом пламя снова стало обычным, и тень исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.